

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Источник: Шекспиръ В. Полное собраніе сочиненій / Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Т. 3, 1902.

OCR Бычков М. Н.

Независимо отъ своего поэтического значенія, "Юлій Цезарь" Шекспира представляетъ еще крупный литературно-историческій интересъ, специально какъ историческая трагедія. Конечно, "Юлій Цезарь" не былъ первой попыткой нашего поэта: въ области исторической драмы задолго до того были написаны имъ Генрихи, Ричарды и прочія "исторіи". Но между тѣмъ какъ тѣ были построены на матеріалѣ, заимствованномъ изъ хроники Голиншеда, здѣсь впервые Шекспиръ избралъ своимъ источникомъ біографію Плутарха, т. е. такое литературное произведеніе, на которомъ онъ могъ поучиться также искусству построения фабулы и характеристики дѣйствующихъ лицъ, т. е. доброй части того, что мы называемъ драматической техникой. И именно въ этомъ отношеніи прогрессъ въ нашей трагедіи очевиденъ: кто внимательно сравнитъ три "плутарховскія" трагедіи съ одной стороны съ англійскими "исторіями" Шекспира, съ другой -- съ Плутархомъ, тотъ не усумнится въ томъ, что послѣдній сыгралъ важную роль въ развитіи новѣйшей драмы. Шекспиръ, учившійся -- со всей готовностью истиннаго гения -- вездѣ, гдѣ только можно было учиться, охотно предоставилъ себя руководительству такого мастера-разсказчика, какимъ былъ Плутархъ и благодаря этому поднѣлъ историческую драму на такую высоту, на какой она еще не бывала раньше.

Прогрессъ, о которомъ мы говоримъ, заключается, во-первыхъ, въ объединеніи, во-вторыхъ, въ художественномъ развитіи дѣйствія. Оба термина требуютъ поясненія. Подъ объединеніемъ дѣйствія мы разумѣемъ не то, что обыкновенно называютъ его единствомъ -- это важное классическое требованіе къ Шекспиру, какъ извѣстно, непримѣнимо. Единство дѣйствія уподобляетъ драму пальмѣ, состоящей изъ одного только ствола, его объединенность -- дубу, стволъ котораго раздѣляется на много сучьевъ и вѣтокъ; прежняя "исторія" не была ни тѣмъ, ни другимъ, а скорѣе -- чтобы продолжать сравненіе, -- уподоблялась баобабу, многіе самостоятельные стволы котораго сплетаются между собою лабиринтомъ соединительныхъ вѣтвей. Что касается художественнаго развитія дѣйствія, то подъ нимъ мы разумѣемъ проведеніе строгой драматургической связи между отдѣльными драматическими моментами, тщательную мотивировку каждаго изъ нихъ какъ съ психологической, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Дошекспировская драма не признавала этого требованія, а если и удовлетворяла ему, то случайно; въ шекспировскихъ "исторіяхъ" оно сплошь и рядомъ нарушается; лишь на Плутархѣ, который и самъ съ драматическимъ интересомъ относился къ судьбѣ своихъ героевъ, Шекспиръ научился сознательно ему повиноваться. Конечно, безъ нарушеній дѣло не обходится и здѣсь позднѣйшей драмѣ пришлось во многомъ двинуть дальше шекспировскую технику; но все же прогрессъ былъ очень великъ.

Сравнивая Шекспира съ Плутархомъ, мы должны отличать тѣ уклоненія, которыя были вызваны рецидивами прежней беззаботной техники, отъ тѣхъ, въ которыхъ сказывается сознательное различіе во взглядахъ... Послѣднее предположеніе можетъ показаться страннымъ: гдѣ же можетъ быть различіе во взглядахъ на римскую исторію между Шекспиромъ и его источникомъ? Отвѣчаемъ: вездѣ, гдѣ въ исторіи играли роль общечеловѣческіе элементы. А таковымъ была, прежде всего, толпа или "народъ" въ специальномъ значеніи слова. У Плутарха она представлена съ хорошей стороны: конечно, она экспансивна, но не настолько, чтобы измѣнять самой себѣ; Цезаря она обожаетъ и только не желаетъ видѣть его царемъ надъ собою, къ его убійцамъ съ самаго начала относится враждебно, такъ что Антонію нетрудно раздуть ея вражду въ дикую жажду мести, однимъ словомъ, это -- *populus Romanus*. У Шекспира не то -- и не потому, разумѣется, чтобы онъ пессимистически относился специально къ римскому народу, а потому, что во всякой толпѣ онъ видѣлъ просто толпу. Поучительно, въ этомъ отношеніи, сравнить толпу, которую онъ изобразилъ въ "Юліи Цезарѣ" и "Коріоланѣ" съ его родной, англійской, представленной въ его "исторіяхъ", особенно въ Генрихѣ VI (2 ч., д. IV, сц. 8); Тамъ его мысль выражена еще схематичнѣе: толпа, подобно маятнику, колеблется между полководцемъ короля и мятежникомъ Кэдомъ; здѣсь употреблено болѣе искусства, но основное представленіе одно и то же. Въ этомъ презрѣніи къ толпѣ видѣли доказательство аристократизма Шекспира; быть можетъ, правильнѣе, будетъ усмотрѣть въ немъ проявленіе индивидуализма, который въ немъ, какъ въ истинномъ сынѣ Возрожденія, былъ очень силенъ. Въ силу того же индивидуализма онъ -- противорѣча и въ этомъ отношеніи Плутарху -- выдвинулъ Кассія за счетъ прочихъ друзей римской свободы. У Плутарха многіе римляне независимо другъ отъ друга требуютъ отъ Брута его подвига: у Шекспира (д. I, сц. 2) все это представлено дѣломъ одного только Кассія, который является настоящей душой заговора.

Иного рода различіе во взглядахъ сказалось въ характеристикѣ Кассія. У Плутарха это такой же